

ВО СВЕТЕ ТВОЕМ¹

Митрополит АНТОНИЙ СУРОЖСКИЙ

Вниманию читателя предлагается отрывок из последней серии бесед, произнесенных митрополитом Антонием на английском языке. Текст отрывка печатается без сокращений с целью передать содержание во всей его полноте. Повторы, неизбежные в беседах, продолжавшихся на протяжении 9 месяцев, в большинстве случаев не случайны, а необходимы.

В прошлой беседе, говоря о человеческой истории, я употребил слово «полумрак». Я хочу вернуться к понятию полумрака, которое я использовал неоднократно в прошлых беседах, потому что оно занимает важное место в том видении вещей, которое у меня сложилось. Полумрак переживается в значительной степени как отсутствие света. В то же время, строго говоря, полумрак означает нечто среднее между светом и тьмой. Но если продумать то, что мы знаем из истории творения и на что надеемся в будущем, может быть, на него можно посмотреть как на период несовершенного света между двумя состояниями света сияющего, света не вечернего? Когда мы представляем себе сотворение мира, мы видим, как Бог произносит: «Приди, Я люблю тебя!» — и мир рождается из небытия. Это момент, когда все творение погружено в Божий свет, в любовь Божию, когда тьмы нет, нет ни тени, все — свет. И нам говорится, что Христос — Свет мира, Он — Слово, Он — Творец [Ин. 1: 1—10].

Таким было первое мгновение, когда все явилось из небытия в полноту света, — света, который был само бытие. Не было ничего, кроме света, кроме красоты, кроме радости, кроме общения с Тем, Кто Сам является Светом. И в конце времен мы ожидаем, что однажды (когда — мы не знаем), настанет день, и Бог будет все во всем [1 Кор. 15: 28], история завершится, добро и зло сразятся в страшной битве, и настанет

¹ Беседы в лондонском приходе (октябрь 2001 — июнь 2002 гг.). Пер. с англ. Е.Ю. Садовниковой под ред. Е.Л. Майданович и Т.Л. Майданович. Комментарии А.И. Шмаиной-Великановой.

день, когда Бог одержит победу, и снова не будет ничего, кроме Божественного света, пронизывающего, наполняющего, исполняющего все существа, которые были вызваны Им в бытие, все, что когда-либо жило и существовало.

В период между этими предельными состояниями, когда сияет свет не вечерний, совершенный, поскольку это свет Самого Бога или, правильное было бы сказать, поскольку этот свет — Сам Бог, простирается вся история тварного мира. Из начала книги Бытия мы узнаем, как Бог все сотворил: Он посмотрел на творение и сказал, что оно хорошо весьма [Быт. 1: 31], способно быть светоносным, приобщаться к свету. Но затем совершилось падение. Свет не исчез, но с творением произошло нечто на разных уровнях, и я остановлюсь на этом ненадолго. Первичным было то, что человечество потеряло свою цельность и поэтому не могло больше полно, совершенно приобщаться Божественному свету. Я уже говорил вам в прошлый раз, и простите, если повторяюсь, что Адам был сотворен как цельное человеческое существо, содержащее в себе все потенциальные возможности мужского и женского начала, все, что составляет человеческую сущность. Но потом он развивался, рос, созревал, и пришел момент, когда разнообразие возможностей, которые в нем были, не смогли уживаться в одном существе. Бог привел к нему всех сотворенных животных, и человек увидел, что все они были мужского и женского рода, что они не были арифметической единицей, но двойцей, которая в то же время была единой (см.: [Быт. 2: 19]).

И в этот момент человек оказался способным, как я упоминал в предыдущих беседах, стать одной личностью в двух лицах. Когда первоначальное человеческое существо разделилось на Адама и Еву, то, посмотрев друг на друга, они не сказали: «О, это — кто-то другой, похожий на меня». В древнееврейском тексте замечательно написано, как они посмотрели друг на друга и сказали: «Это — “иш”, и это — “иша”», это — я в женском роде, это — я в мужском» (см.: [Быт. 2: 23]). Они были одной личностью, одним целым в двух лицах, и это — дивно, потому что между ними не было разделения, но в каждом из них было то, чего другой не мог полностью вместить.

Но потом произошло падение. И, как вы помните, Адам и Ева посмотрели друг на друга и увидели, что они наги [Быт. 3: 7], и с этого момента, как сказано в Библии, глядя друг на друга, они больше не видели себя исполненного совершенством, они видели другого, по словам одного из древних святых, *alter ego*, другое я, я, но другое. Это не «я» в полном смысле этого слова, в котором другой опытно воспринимался первоначально. И с этого момента полнота света исчезла. Полнота све-

та померкла, потому что она могла качественно только в совершенном единении двоих, изливаясь на все окружающее. Я не собираюсь пересказывать все, что Библия говорит об изначальном существовании этой пары, а отмечу только одну или две вещи. Как я уже сказал, Адам и Ева видели друг во друге другого, и это их в определенной мере делало чужими, но в каком-то смысле они испытывали взаимное влечение. Их все еще влекло друг к другу, но в то же время они были разочованы. И Библия нам говорит, что Адам познал Еву, Ева познала Адама (см.: [Быт. 4: 1]). Они уже не являли собой единства и пытались восстановить его на уровне природы, привязанности, а не на уровне прежнего онтологического, абсолютного единства. И из-за того, что они уже не были единством явленным, иконой Святой Троицы, если хотите (потому что Святая Троица — это Три Личности в Одной, а они были двумя лицами одной личности), — из-за того, что это произошло, весь мир для них и из-за них распался на индивидуумы или группы, чуждые друг другу. Есть место в книге Бытия, где говорится, что в результате падения человека, из-за того, что люди перестали быть воплощенным единством, их отношения с тварным миром изменились. Бог сказал после Потопа: Все звери отданы вам в пищу. Они вам будут служить пищей, а вы будете их ужасом (см.: [Быт. 9: 2—3]). Человек перестал быть проводником тварного мира к полноте, к которой мир призван. Именно он разрушил полноту, именно он привнес в тварный мир новый ужас — ужас убийства, уничтожения.

Все это я имел в виду, когда говорил о полумраке, о периоде, простирающемся между славным сотворением мира, когда не было ни тени, и славным свершением в конце времен, когда Бог будет все во всем. И вся история лежит между этими двумя пределами. Но между этими пределами свет и тень, тьма и свет соприкасаются по-разному и в разной мере. Временами свет сияет так ярко, так дивно, что забываешь о тьме, временами, наоборот — тьма сгущается настолько, что в ужасе, в страхе, в смятении задаешься вопросом: «Где же свет?» На одном полюсе мы видим любовь, на другом — ненависть, на одном полюсе мы видим зарождение жизни в ее полноте, на другом — убийство. И между ними — состояние, которое я настоятельно называю полумраком, чтобы подчеркнуть еще один момент: нельзя воображать, будто мир, в котором мы живем — сплошной свет, но он и не сплошная тьма. И это дивно. Свет, который сиял вначале, потускнел, гармония нарушилась, но она не исчезла, она есть. И если говорить о людях, то с одной стороны мы видим человеческие существа, полные зла, ненависти, убийства, совершенного в действительности или в помышлении, а с другой — святых,

сияющих Божественным светом. С одной стороны, мы обнаруживаем грех, который означает отделенность от Бога, а с другой стороны — спасение и святость, которые полагают начало времени, когда Бог будет все во всем [1 Кор. 15: 28]. Таково время, в котором мы живем, таковы мы. Если мы посмотрим друг на друга или, вернее, на самих себя, то увидим, что в каждом из нас есть свет, но в каждом из нас есть в какой-то мере тьма. В нас есть свет, потому что мы способны видеть и ценить красоту, и радоваться ей. И в то же время, мы причастны тьме, потому что нам недостает любви, мы сосредоточены на себе, и это не дает нам жить в единстве и порождает одиночество и, сверх того, темные чувства неприязни, ненависти и т.д. Мир пребывает в состоянии полумрака, но нам всегда нужно помнить, что даже если полноты света в нем нет, свет сияет, и с Воплощением он засиял в мире с новой творческой спасающей силой. Свет сияет в святых, во множестве святых Востока и Запада мы видим свет любви, Божий свет, сияющий, льющийся от тех, кто отдал себя Богу, открылся Богу, в ком Божественная жизнь утвердилась, полнится, сияет.

Вы наверно помните видение Мотовилова, каким он увидел преп. Серафима Саровского. Они говорили о духовной жизни, и Мотовилов никак не мог понять, что все это значит. И преп. Серафим объяснял и вдруг предстал перед ним другим, чем был мгновение назад. Он засиял так ярко, что Мотовилов не смог вынести его вида, засиял так ослепительно, и он испугался. И преп. Серафим сказал нечто, что нам нужно помнить, потому что это великие утешительные слова, прозвучавшие в истории. Он спросил: «Почему Вы испугались?» И Мотовилов ответил: «Потому что Вы — весь в сиянии» И преп. Серафим сказал: «Да, но Вы не могли бы меня видеть таким, если бы сами не пребывали в том же свете, в котором я пребываю сейчас». И это дивно, потому что обычно мы не видим себя или друг друга в этом ослепительном свете, но неожиданно приходит момент, когда мы смотрим на человека и видим в глазах, на лице, во всем его существе свет. Я не имею в виду материальный свет, хотя он тоже есть, но мы улавливаем нечто за пределами тварности. И в житиях множества святых можно видеть то же самое — свет. Мир, в котором мы живем, пребывает в полумраке, но в нем присутствует свет.

Если поставить перед собой вопрос, что такое Церковь, чем она является, то ответ, с одной стороны, простой: Церковь — это присутствие Бога непосредственно среди Своего творения. В Воплощении Бог стал неотъемлемой составляющей тварного мира. Христос принес с Собой, в Себе всю полноту Божественного света, которую мы не замечаем

и расточаем. И именно в приобщении ко Христу мы становимся причастниками этого света. С другой стороны, вся полнота Троицы пребывает в Церкви: Отец неотделим от Сына, благодать Святого Духа изливается на нас, и мы приобщаемся к тайне Святой Троицы, о, в самую разную меру понимания, чуткости восприятия, — но не все зависит от нашей чуткости или понимания. Мы можем не замечать окружающий нас свет, мы можем не ощущать бескрайности Божественной любви, которая нам даруется, мы можем не сознавать, что Святой Дух действует в нас, преображая нас, перерождая нас, делая нас способными стать живыми членами Тела Христова. И, в некотором смысле, можно даже сказать больше: мир, в котором мы живем, вмещает Божественное присутствие, и одновременно Божественное присутствие содержит в Себе весь мир. Мир — место Присутствия.

Нет такого места, куда не проник бы свет Божий, тепло Божественной любви. Я уже приводил вам высказывание епископа Алексия (ван дер Менсбрюгге), которое меня глубоко тронуло: в сердцевине вещи — полнота света, но свет присутствует в мире наподобие зажженной свечи. Эта свеча — огонь и свет, но чем дальше удаляешься от этого огня, тем слабее становится свет. Но с того момента, как свеча зажжена, вся вселенная до самых ее удаленных уголков становится причастна свету. Мы можем не ощущать его, потому что он оказался за рамками нашего восприятия, но свет проникает до самых пределов мира. То же самое верно по отношению к присутствию Божию через Церковь, в Церкви — оно есть.

Можем ли мы сказать, что мы, члены Церкви, всегда ощущаем это присутствие? Нет, не можем. Этот свет, это тепло, это присутствие наполняет весь мир, но временами мы оказываемся непрозрачными, неспособными воспринять его. Хотя бывают моменты, когда мы неожиданно ощущаем свет, тепло, присутствие, и нет ни одной твари, ни одного сотворенного существа или предмета, которого бы оно не коснулось.

И уже сейчас нечто, что мы могли бы переживать так глубоко, но воспринимаем так поверхностно, происходит во время Литургии. Я, возможно, уже говорил об этом в моих беседах, потому что это так дивно, Освящение хлеба и вина... Что такое хлеб? Хлеб пекут из зерна, которое человек посеял, возможно, и не помышляя сделать из него святыню. Человек посеял зерно, оно упало на землю, было принято землей, напиталось влагой, пустило стебелек, выросло, стало колосом. И все это сделал человек, который не предполагал создавать нечто священное. Он мог, если был достаточно зрелым, сознавать, что взрастить живое се-

мя — это священнодействие, но он мог и просто сеять для того, чтобы иметь зерно для пропитания, и все-таки это зерно — творение Божие. Однажды из горсти зерна испекли хлеб, и верующий человек принес его в церковь, чтобы он стал частью Литургии. Верующие порой не до конца сознают, что делают: они приносят хлеб, но этот хлеб — плод земли, давшей ему ту жизнь, которую Бог дарует и самой земле и хлебу. Его приносят в алтарь и там освящают. Что при этом происходит? Священник берет хлеб и вырезает частицу, которая является иконой Христа. Эта икона, эта частица разрезается: «Закалается Агнец Божий». И в этот момент хлеб становится трагическим образом Христа, потому что в мире, в котором мы живем, Ему была уготована смерть. Но служба продолжается, и приходит момент, когда в ответ на веру и молитвы верующих Святой Дух сходит на хлеб, и Его силой хлеб становится Телом Христовым. В каком смысле? У Хомякова есть слова, которые стоит вспомнить. Он говорит: «Когда речь идет о Телѣ Христовом, речь не идет о “мясе”, и он употребляет именно это слово². Хлеб становится Христом, но как? Весь мир призван стать местом Воплощения, самим Воплощением видимым, осязательным, осуществленным. И когда мы смотрим на освященный Хлеб, мы видим крохотную частицу тварного мира, которая теперь так соединена со Христом, что стала Телом Христовым, и Христос неразрывно соединился с этим простым кусочком Хлеба. И, причащаясь, мы приобщаемся Хлебу, который есть Сам Христос. И здесь мы видим, как из полумрака засеянного зерном поля, благодаря труду человека, который и не намеревался создать святыню, нечто нетронутое, чистое, незапятнанное (потому что мир, в котором мы живем, является жертвой человеческого греха, он не грешен сам по себе, но мученик нашей греховности), приносится обратно Богу и включается в полноту Божественного единства, которое было в начале, и в еще более славное единство, которое осуществится в конце времен. Видите,

² «... романизм [т.е. учение Рима. — Прим. перев.] настаивая на самой основе таинства, т.е. на предложении земных элементов в небесное тело, истолковывает, по своей неизменной привычке, духовное действие как чисто вещественное и унижает таинство до какого-то атомистического чуда. (Это стремление так явно, что раз, когда мне случилось переводить вслух рассуждение некоторых римских богословов в их полемике против протестантов, один благочестивый, хотя и неученый священник, бывший при том, воскликнул в благочестивом ужасе: “Господи, что же это они говорят такое? Они, кажется, принимают Тело Христово за мясо Христово?”)». А.С. Хомяков. Сочинения в двух томах. — М.: Моск. Философ. Фонд; 1994. Т. 2. Работы по богословию, с. 100.

насколько это дивно?! Я не могу это выразить, простите, простите! Но так прекрасно думать и знать, что в мире полумрака, в котором мы живем, присутствует полнота совершенства, света. Мы ее не видим, потому что слепы, наше зрение ограничено, но некоторым святым дано было видеть.

Я вспоминаю одного русского святого. Он был священником в монастыре, но много лет не служил, потому что чувствовал, что совершать Литургию — страшно, служил другой священник. Однажды священника не было, и послужить упросили его. После долгих уговоров он согласился, но после Литургии вышел и сказал: «Я служил последний раз. Если понадобится священник, найдите его где-нибудь в другом месте, потому что я не смогу еще раз пережить то, что пережил сегодня, и остаться в живых». Он вступил в мир будущего века, он увидел творение преображенным, он увидел, как хлеб стал Христом, — Христом, Который стал, подобно нам, человеком через Воплощение.

Поэтому, размышляя о полумраке, в котором мы живем, мы должны помнить, что в нем есть доля тьмы, но есть и свет. И если бы мы только смотрели друг на друга с сознанием того, что в этом человеке, которого я даже не знаю, в этом человеке, которого я не понимаю, в этом человеке, которого я не люблю или который мне неприятен, занимается заря жизни, света, вечности, то как бы мы относились друг ко другу, как бы мы смотрели друг на друга, что мы означали бы друг для друга! Мы не только думали бы о людях, как об иконах, как о своего рода изображениях. Нет, мы думали бы, что в этом человеке, как будто незначительном, нами непонятом, не доступном нашему пониманию, реально совершается таинство единства с Богом. Полумрак еще не рассеялся, потому что человек еще не достиг полноты, даже преп. Серафим Саровский при жизни не достиг той меры полноты, в какую он вырос после смерти, но всякий человек зачаточно, неприметно, но порой ощути-мо, уже пронизан светом и Божественной жизнью. Не попытаться ли нам посмотреть друг на друга в этом свете, не попытаться ли глубже взглядеться, начиная с тех, кого мы горячо любим, и в благоговении увидеть за пределами нашей человеческой отзывчивости, нашего человеческого восхищения, нашей человеческой привязанности: этот человек — место вселения Живого Бога. Кто-то из отцов-пустынников сказал: «Кто видел брата своего, тот видел Бога своего». Да, он это уловил. Он познал, что каждый человек зачаточно, но подлинно — само Воплощение. Давайте задумаемся об этом.

В следующих беседах я буду дальше говорить о полумраке, который мы видим в истории, и я надеюсь, что эти беседы когда-нибудь или,

быть может, уже сейчас окажутся полезными для вас, потому что они для меня так много значат.

* * *

У меня нет уверенности, продолжать ли беседы в том же ключе, как я это делал с самого начала, потому что я чувствую, что тот подход к вере и к самим себе, который я предложил, смутил некоторых из вас. В последнее время я получаю из России письма, в которых говорится, что мой подход не православный, и то, что я говорю, или просто ересь, или не достаточно продумано. И все-таки, мне хотелось бы поделиться с вами своими размышлениями и теми убеждениями, к которым я пришел за долгую жизнь.

Было время, когда я отчаянно цеплялся за букву, но постепенно мне стало открываться, что буква — это только приближение, намек, попытка передать то, что находится за пределами буквы и языка. Есть отрывок у апостола Павла, в котором сказано, что мы видим вещи как будто сквозь мутное стекло (см.: [1 Кор. 13: 12]). Об этом же я несколько раз говорил в предыдущих беседах: мы пребываем в полумраке. Мы не всегда видим то, что реально существует, мы не всегда способны видеть действительность такой, какова она на самом деле есть. И я хотел бы к этому вернуться, потому что если мы стремимся духовно расти, чтобы все больше и больше становиться Божиими друзьями и соратниками, нам важно проявить и смирение, и дерзновение.

Мысль апостола Павла я передал так, что мы живем в период полумрака, между торжествующим светом начала творения, когда ничто, ни малейшая тень еще не омрачало отношений Бога и человека, когда тьмы не было, когда все было светлым и прозрачным, и между будущим, которое мы ожидаем, когда все достигнет своего исполнения, и свет засияет с совершенной полнотой, с совершенной чистотой, когда Бог будет все во всем [1 Кор. 15: 28]. Понимаем ли мы, что означает «все во всем»? Это не означает только, что Бог будет присутствовать повсюду. Это означает, что все будет пронизано Божественным присутствием. До определенной степени совершенно реально, но не всегда понятным для нас образом, некоторое приближение к этому опыту нам дается в Божественной литургии.

Однажды меня поразило в самое сердце, и это остается со мной, и я переживаю всякий раз, когда служится Литургия, что во время освящения Даров хлеб и вино становятся Телом и Кровью Христовыми, но мы не всегда понимаем весь смысл этого, или вовсе не понимаем. Про себя могу сказать, что я, скорее, не понимаю, но мне хотелось бы поделиться тем, что я тогда уловил. Благодать Святого Духа сходит на этот

хлеб и на это вино и превращает их не в плоть и кровь, а в Тело и Кровь Христовы. И когда мы смотрим на освященный Хлеб, мы видим крохотную частицу тварного мира, которая уже исполнилась Божественным присутствием, достигла полноты своего призвания, и когда мы причащаемся этого хлеба и вина, этого Тела и Крови Христовых, мы становимся причастниками искупленного творения, уже здесь, так же, как полнота Божества присутствует в Воплощенном Сыне Божиим, ставшем Сыном Человеческим. И в такие моменты нам удаётся различить в полумраке сияние славы. И если говорить о природе Церкви, то нам нужно помнить, что Церковь — это тело в равной степени и одновременно человеческое и Божественное: человеческое со всей нашей хрупкостью, со всем нашим несовершенством, с присущей нам неполнотой, но оно еще и Божественное, потому что один из членов Церкви — Господь, Человек Иисус Христос. В Нем мы видим человечество совершенное, достигшее полноты, единое с Отцом, исполненное Святым Духом. И вместе с Сыном в Церкви присутствует Отец, и Святой Дух осеняет нас. Поэтому в некотором смысле, уже сейчас, несмотря на то, что зачастую мы оказываемся слишком слепыми, чтобы ясно это видеть, свет рождается, разгорается и льется все дальше и дальше. Не каждый из нас способен воспринять его, не в каждое мгновение он сияет с одинаковой силой и чистотой, но свет, который, как мы ожидаем, засияет, когда Бог будет все во всем, уже возгорелся в Воплощении и в сошествии Святого Духа. Мы живем в мире, в котором полумрак — это не просто отсутствие первичного, изначального света сотворения мира. Свет, который присутствует в нашем мире, уже свет свершения, Божественное присутствие, присутствие Бога чаемое, ставшее реальностью и воспринятое верующими. Полумрак, в котором мы живем, в этом смысле — не отсутствие света, а постепенное возрастание к свету, в свет, или вернее, это свет, который постепенно пронизывает нас и все вокруг. И все-таки, когда мы пытаемся говорить об этих вещах, мы не находим соответствующих слов, потому что невозможно на языке падшего мира описать тайны или состояние мира до падения. Мы пользуемся словами там, где должно быть созерцательное молчание. Я постараюсь это пояснить.

Когда мы говорим о предметах Божественных, мы полагаемся на умственное понимание, мы стараемся понять, опираясь на наш хрупкий, несовершенный опыт, но первоначально и опыт, и понимание были глубже и шире. Некоторое представление об этом можно почерпнуть из слов св. Григорий Паламы, когда он говорит о состоянии, в котором пребывают ангелы. Он называет их «вторыми светами», вторичными светилами — не в том смысле, что они рангом ниже, а потому, говорит

он, что они полностью открыты Богу, полностью прозрачны Ему, и свет, который исходит от Него, пронизывает, наполняет их так, что они сияют именно Божественным светом³. Этот свет не их собственный, он — свет Божий, они исполнены им, пронизаны им. Таким должен бы быть наш путь познания Бога, таким должен быть наш путь познания мира, но хотя, после падения частичное знание и причастность у нас остались, увы, гораздо больше непонимания, полумрака.

И когда мы ищем способ выразить что-то, нам нужно отдавать себе отчет в том, что мы делаем. Так часто можно слышать, в особенности в протестантских церквях, но также и у нас, что Библия, Евангелие — это слово Божие. Да, это так. Бог открывает нам в Священном Писании то, что нам самим не узнать и не понять, но мы понимаем сказанное в ту меру, в какую сами просвещены светом Божиим. Ангелы, которые несут в себе свет Божий, не обладают им, а принимают его и живут им, могут понять намного больше, чем мы, потому что они приобретают и передают знание и понимание не с помощью слов и не в словах. Если говорить о начале книги Бытия, то там рассказано на языке падшего мира о событиях, произошедших в мире, который был полностью в Боге, который не знал, что значит быть чуждым Ему. Как же нам дорасти до понимания? Мы можем дорасти, приобщаясь Богу, от Него получая то понимание, которое мы не в состоянии приобрести самостоятельно. И, кроме того, нам нужно помнить, что мы пользуемся словами, смысл которых меняется со временем, от народа к народу, от поколения к поколению. Я вам уже приводил однажды пример, который кажется очень грубым, но он очень жизненный: когда Евангелие впервые переводили для жителей Лапландии, у переводчика возникло затруднение. В Лапландии не было ягнят, и в отрывке, где говорится об Агнце Божиим, было использовано название детеныша местного животного, потому что оно передавало смысл текста: ведь Христос — не ягненок в зоологическом понимании этого слова. Одна и та же мысль может быть выражена по-разному, к тому же смысл слов меняется, и поэтому очень часто текст Писания нам не понятен, и из-за непонимания мы остаемся во тьме, вместо того, чтобы возрастать в свете. Я хотел бы вам дать два примера.

В Евангелии есть отрывок, в котором нам говорится, что тот, кто не возненавидит отца, мать, своих близких родных, не может последовать

³ Григорий Палама (1296—1359), свт., византийский богослов, митрополит г. Фессалоники. Систематизировал мистико-аскетическую традицию Византии (в особенности исихазм), дав ей окончательное философское и догматическое оформление. Память — 14 ноября и в Неделю вторую Великого поста.

за Христом (см.: [Лк. 14: 26]). Фраза чудовишна, если понимать ее в современном значении слов. Но если обратиться к древним языкам (я уже их забыл, но немного разбираюсь в церковно-славянском), то она звучит: Аще кто не возненавидит. Сейчас «ненавидеть» значит активно, действительно не любить, но первоначально это слово означало «отвести взгляд», «не смотреть в сторону», и тогда фраза приобретает совсем другое значение: если кто-то колеблется между тем, чтобы смотреть на Господа, и тем, чтобы оглядываться на своих родных и близких, он не может следовать за Христом. Нам нужно неразделенным сердцем обратиться к Богу, и только приобщением к Нему мы сможем стать едиными с Тем, Кто любит наших близких, от которых мы отказываемся ради Него, и тогда мы обнаружим, что с ними мы тоже едины.

Другое слово, которое, как мне думается, является камнем преткновения, это — «любовь». Мы все знаем, что такое романтическая любовь, нам всем известно, как употреблять это слово, но если задуматься, в чем его суть, то оказывается, что «любить» означает в такой мере ценить конкретного человека или людей, чтобы быть готовым полностью забыть себя вплоть до решимости отдать за них свою жизнь. Так возлюбил нас Бог: Он нас создал с тем, чтобы мы вошли в полноту Его собственной жизни, Он знал, что мы отпадем от нее, и отдал Своего Единородного Сына на смерть для того, чтобы мы могли обрести свой путь. Поэтому любить означает всецело уважать, благоговейно относиться к другому человеку до готовности отдать за него жизнь. И у свт. Григория Богослова есть отрывок о Самом Боге, который, может быть, позволит нам это понять или сделает наше понимание более глубоким. Он ставит вопрос: как понимать Святую Троицу? Что Троица являет нам о полноте жизни и смерти? И он отвечает, что Бог не мог бы быть арифметической единицей, потому что это означало бы, что Он любит только Самого Себя. Он также не мог бы быть Двоицей, потому в двоеце двое любят друг друга и остаются чужими окружающему их миру. Чтобы быть совершенной любовью, Бог должен быть Троицей, и это — трагический момент: потому что в таком случае для того, чтобы двое могли любить друг друга всецело, совершенно, третий должен согласиться отступить, как бы умереть, уйти в небытие, и тогда двое смогут стоять лицом к лицу без помехи, беспрепятственно. Это, разумеется, относится к каждому Лицу Троицы, это не означает, что Один из Них приносится в жертву: Каждый отступает в готовности не быть ради полноты Двоих.

Я не знаю, как это объяснить или передать так, чтобы это было понятно. Поразмышляйте, представьте себе, что произойдет, если один

из троих — мать, отец, ребенок или один из троих друзей, — оберегая полноту общения двоих, решит отступить в сторону, и потом бывает возвращен, обретен вновь, восстановлен в эту полноту любовью двоих других.

В полумраке, в котором мы живем, нам чрезвычайно трудно понять то, что Писание говорит о Божием мире, каким он был до падения. Но также нам порой сложно понять окружающий нас мир и, возможно, еще сложнее понять утверждения, которые мы слышим о Боге, о Церкви, потому что они составлены из слов, принадлежащих падшему миру, тогда как говорят они о том, что за гранью падения. Неужели путь к пониманию для нас закрыт? Нет, путь есть, — и я это повторял столько раз, что вы уже, должно быть, устали слышать, — потому что мы живем в полумраке, в котором свет во тьме светит, есть свет. Только приобщаясь к свету, можно понять то, что лишь приблизительно выражается в словах. Никто не может понять, что такое любовь, до того момента, пока не испытает ее. Никто не может понять, что такое самоотдача, пока не встретится с ней воочию, в жизни. Смысл слов становится понятным только из опытного переживания. Мы говорим, что Священное Писание — это слово Божие. Да, это так, но прежде чем мы начнем его понимать, мы должны вырасти в общение с Богом не через словарь, доискиваясь смысла слов, а взыскав сердце, из которого они исходят и в которое принимаются, то есть наше собственное сердце.

В этом смысле все, что написано в Священном Писании, может быть совершенно непонятным для одних и очевидным для других, может сегодня оказаться для меня непонятным, а завтра стать кристально прозрачным. Это зависит от нашей приобщенности к Богу, не к тексту, не к словам, и здесь на передний план выходит трагедия разделенности христиан, потому что именно из-за слов мы и сражаемся. Обвиняя друг друга в ереси, мы осуждаем формулировки, но как нам быть с человеком? Как нам относиться к тому, как этот конкретный человек общается с Богом, живет Богом, живет во имя Божие? И одновременно нам важно помнить, что есть такое понятие как истина. Я убежден, что православная вера, в ту меру, насколько это возможно, наиболее полно выражает истину, но, прожив долгую жизнь, я больше не верю, что тот, кто не вмещает эту полноту, не может спастись. В одном из писем, которые я получил несколько дней тому назад, монах с Украины пишет: «Никто, кроме православных, не может спастись, и то, чему Вы учите, противно вере, потому что все неправославные пойдут в ад». В это я не могу поверить. Я не могу этому поверить, потому что жизнь кое-чему меня научила. Я уже приводил пример, как во время войны офицер, который не

был православным, и я не знаю, был ли он вообще верующим, шесть раз покидал безопасное место для того, чтобы вынести с поля боя солдат, которые были ранены и сами не могли доползти до укрытия. Его, умирающего, принесли в госпиталь. Он не умер, он выжил. Он не был православным, но не проявил ли он любовь, такую глубину, такую меру любви, какую многие из нас не способны вместить? И еще: очень часто люди нам не верят, потому что мы являемся для них доказательством того, что в наших словах нет правды. Если мы рассуждаем о любви, но не проявляем ее, если мы говорим о том, как христиане должны отдавать свою жизнь за других, а сами прилагаем все усилия, чтобы ничего никому не давать, может ли кто-то поверить, что в наших словах есть капля истины? И в этом состоит для нас проблема, вернее, вызов, а не проблема: нельзя утверждать, что достаточно провозгласить истину словами, чтобы пребывать в истине. Мы пребываем в истине только тогда, когда она становится нашей жизнью.

Мне снова приходит на память письмо, которое я уже несколько раз упоминал. Я подумал, когда прочитал его: вот человек, который говорит, что он православный, он уверен, что войдет в Царствие Божие, он уверен, что все неправославные погибнут в аду. Но возьмите конец Евангелия от Марка, там перечислены признаки, по которым можно узнать верующих: они будут исцелять больных, воскрешать мертвых и т.д. [Мк. 16: 17—18]. При такой постановке вопроса, кто решится назвать себя вообще верующим? Я не могу. Я могу сказать, что всей своей тоской стремлюсь к Богу, что в ту меру, на какую способен, люблю Его, в малую меру служу Ему, поклоняюсь Ему, но я не могу назвать себя верующим в том смысле, как об этом говорит Христос. А если так, то как мы можем судить нашего ближнего?

Этими отступлениями я отклонился от основной темы, но мне кажется, важно сознавать, что в полумраке, в котором мы живем, в период между светом, частично померкшим с падением, и светом, который забрезжил в пришествии Христа, и светом конца времен, нам нужно научиться приобщаться Богу через жизнь, через молитву, соединяясь с Ним всем нашим существом, и не полагаться на слова, которыми мы пользуемся, потому что они не выражают того, что должны выражать. И в этом контексте, мне думается, можно не только вдумчивее относиться к христианам других конфессий, но также и к людям языческих верований древности и нашего времени, потому что у всего человечества имеются отрывочные воспоминания, но эти воспоминания неполны, несовершенны, смутны. Библия дает нам самую четкую картину, но есть и другие источники, которые порой приближаются к истине,

хотя и не в полную меру. И мне думается, что, встречая людей разных убеждений, мы должны ставить перед собой вопрос: насколько то, во что они верят — Божия правда, насколько — заблуждение, которое является результатом падения и постепенной утраты человеческим родом целостного опыта Бога? И еще: в какой мере они живут тем, во что верят? Я думаю, мы удивимся, насколько достойнее некоторые люди живут тем малым, во что они верят, по сравнению с нами, которым было явлено гораздо больше.

На этом я закончу свою беседу. К некоторым моментам я вернусь в следующий раз. Простите, если то, что я говорил, было неясным. Мне трудно это четко сформулировать, но подумайте об этом. Я постарался указать на некоторые моменты: думайте, составляйте свое собственное мнение, думайте свободно, оставаясь, в то же время, верными учению и жизни Церкви в молитве, во взаимной любви, в общении.

* * *

Я хочу начать свою беседу с того, о чем уже говорил прошлый раз, но взять это только за отправную точку. Я рассказал вам, как кто-то написал мне, что никто, кроме православных, не может войти в вечную жизнь. И мы должны не поставить это под вопрос, а осознать: если думать так же, как человек, который написал мне это, что достаточно быть крещеным в Православной Церкви и слепо принимать все, что она провозглашала в прошлом и на чем стоит в настоящем, то мы окажемся в очень трудном положении по отношению к целому миру верующих.

Первый вопрос, который мы должны поставить перед собой: что значит быть православным христианином? Достаточно ли слепо провозглашать Символ веры, читать молитвы, присутствовать на Литургии, даже участвовать в Таинствах, или необходимо нечто большее, нечто решающее?

Я помню, отец Всеволод Шпиллер рассказывал мне, как прежде чем крестить кого-то, он спросил, является ли будущий крестный отец православным. И ответ был — да. Крещеный ли он? — Да. — Верит ли в Бога? — Нет, я атеист. «Почему же вы тогда крестились?» — спросил отец Всеволод. Человек посмотрел на него с удивлением, даже с негодованием и сказал: «Я же не собака, чтобы оставаться некрещеным...» Вот человек, который заявляет себя полноценным членом Православной Церкви, но он не верит в Бога и крестился совершенно бездумно, если был к тому времени взрослым, или на том только основании, что бабушка принесла его в церковь, если он крестился ребенком. Можно ли сказать, что он имеет право считать себя тем, кого автор письма называет православным?

С другой стороны, есть люди, которые формально не являются православными, но чья вера ни в чем не отличается от нашей. Я дам вам несколько примеров.

Прежде всего, мне думается, нам нужно поставить перед собой вопрос, — и, я подчеркиваю, перед собой: что мы знаем о той вере, которую исповедуем как православную, и в какой мере мы живем по ней? Если взять Символ веры и попытаться прокомментировать его, объяснить его, как вы полагаете, всякий ли из нас смог бы это сделать так, чтобы стал понятен смысл каждой фразы? Сомневаюсь. Если сравнить Символ веры, как мы его читаем, с Символом веры, как он принят на Западе, с добавлением того, что технически принято называть «филиокве», т.е. утверждение, что Святой Дух исходит не только от Отца, но и от Сына, — кто в Православной Церкви, беря широко, не только в этой конкретной общине, а в Православном мире в целом, сможет объяснить разницу или оценить ее значимость? Но опять же, всякий, кто исповедует Символ веры с той вставкой, о которой я упомянул, не является православным. Можно ли сказать, что такой человек не войдет в Царство Божие?

Я вспоминаю отрывок из писаний свт. Филарета Московского⁴, где он говорит: «Перегородки, которые разделяют нас, не доходят до небес». Они в наш уровень и в наш рост. Мы разделены, потому что высказываем суждения, вырабатываем определения более или менее верные, но есть иное измерение в жизни человека, которое находится далеко за пределами всего этого. Спросите себя, как часто в течение дня положения Символа веры руководят нашими действиями? Как часто различия, расхождения, которые существуют между нашим Символом веры и западным, влияют на наше поведение? И поэтому можно ли говорить, будто мы разделены настолько и таким образом, что для нас закрыта возможность быть вместе, быть едиными в вечности?

Мне вспоминается, как много лет назад, когда я ставил перед собой вопросы на этом уровне, у меня был разговор с замечательным священником, французом, перешедшим в православие, отцом Львом (Жилле) о том, возможно ли принять как часть нашей веры ту уверенность, которая была у него, у меня, у других людей, что не только те, кто технически являются православными, войдут в Царствие Божие. И его ответ меня очень тронул. Он сказал: «Есть вещи, которые являются

⁴ Это высказывание часто приписывается разным иерархам Русской Церкви XIX века.

предметом веры, а есть вещи, которые являются предметом надежды, и надежда в глазах Божиих ничуть не меньше веры».

Я много размышлял над всем этим, и представил себе мир, где немногие, очень немногие, те, кто был православным, попадут в Царствие Божие. Можно ли представить себе, что нас будут судить только на основании Символа веры, который мы читаем зачастую, в большинстве случаев, не придавая решающего значения его содержанию? К тому же, исповедание веры — это не признание или слепое повторение Символа веры или положений вероучения, а вопрос того, живем ли мы соответственно или нет. Живем ли мы согласно Евангелию? Я уже приводил вам в прошлый раз отрывок из Евангелия от Марка, где говорится, что верующие смогут творить чудеса, совершать то или другое, воскрешать мертвых (см.: [Мк. 16: 17—18]). Кто из нас посмел бы назваться верующим, если подходить с такой меркой к нашей вере? И Христос говорит в Евангелии, что не те, кто повторяет всю жизнь «Господи, Господи» и таким образом на словах исповедует свою веру в Него, войдут в Царствие Божие, а те, кто жил соответственно (см.: [Мф. 7: 21—23]). Поэтому мы все стоим перед этой проблемой: мы называемся православными, мы верим в православие, мы принадлежим к Православной Церкви и верим в нее, но этого недостаточно для того, чтобы сказать: Царствие Божие принадлежит нам. То, как мы живем, может оказаться важнее, чем то, что мы исповедуем, потому что порой человек способен рассказать о своей вере очень немного из-за отсутствия культуры, отсутствия образования, но при этом жить соответственно.

Я уже приводил вам когда-то отрывок из рассказа Толстого, в котором миссионер в Сибири набредает на крошечное поселение, где живут три брата. Он с ними беседует и обнаруживает, что они крещены, что они верующие. А что они знают о вере? Ничего. «Но как же вы молитесь Богу? Знаете ли вы молитву Господню?» «Нет». Он остается, чтобы научить их молитве Господней, до тех пор, пока с большим трудом они ее не заучивают. И тогда он их спрашивает: «Но как вы молились все это время?» «Ну, мы молились, как могли: Трое Вас, трое нас: Господи, помилуй нас. Это все, что мы могли сказать». Так они исповедовали свою веру в Троицу и надежду на спасение. Миссионер обучил их молитве Господней и отправился дальше на лодке. И вдруг он с изумлением видит, как все трое бегут по волнам. Когда они добежали до лодки, он спрашивает: «Что вы хотите? Как вы можете бежать по волнам?» И один из них говорит: «Отче, нам нужно было догнать тебя, потому что мы забыли слова молитвы Господней». И миссионер сказал им: «Идите домой и молитесь Богу, как раньше». Здесь мы видим пример того, что доста-

точно быть до конца последовательным в одной малой вещи в своей вере и жить соответственно, чтобы подлинно принадлежать Богу.

Отец Георгий Флоровский был одним из самых строгих православных богословов, но он не считал, что достаточно провозглашать Символ веры, чтобы быть православным. Для того, чтобы быть православным, надо быть кем-то, а не провозглашать что-то.

Я размышлял об этом, когда был значительно моложе, и мне говорили, что тем, кто не совершенен в своей вере, грозят вечные муки, и я не мог в это поверить. Я не мог поверить, что Бог, о Котором мне говорится как о Боге любви, Бог, Который стал человеком и умер на кресте ради моего спасения, просто отвергнет меня на том основании, что моя вера была несовершенна, что я читал неправильный Символ веры или совсем его не знал.

Мне представляется образ: Царство Божие, в самом центре его — Бог во всей Своей славе, во всем Своем совершенстве, совершенная любовь сияющая; и затем концентрическими кругами — люди, близкие Ему, затем те, кто оказались чуть дальше, еще чуть дальше, не потому, что они не исповедовали буквальную истину, а потому что они не были едины с Богом в таинстве любви, жертвенной любви, любви, которая отдает себя и отдает все, чем обладает. И я представил себе, что чем дальше оказываешься от центра, чем меньше у тебя любви, тем ближе ты к пределам Царства вечной славы и счастья. И я подумал: невозможно! Могу ли я вообразить, что моя мать подойдет к загородке, отделяющей вечный свет от вечной тьмы, вечную жизнь от вечной смерти, перегнется через перила, увидит меня в адском пламени и скажет: «Я тебя предупреждала!» Я не могу себе этого представить, я не могу себе представить, что она сможет пребывать в райском блаженстве, заглянув в ад и увидев меня в вечных муках.

И размышляя дальше, я подумал: если моя мать будет чувствовать себя отчаянно несчастной, видя, что я проклят навечно, то святые, у которых больше любви, чем у нее, будут еще несчастнее. И в конечном итоге, в центре совершенная Любовь, Бог будет самым несчастным из всех существ, потому что Он никогда не сможет утешиться, глядя на вечную погибель тех, кого Он вызвал в бытие, возжелал в существование, за кого отдал Своего Сына на смерть, но кто оказался неспособными на это отозваться.

Вот образы, пришедшие мне на ум, пока я рассуждал в этих категориях, и мне кажется, вам нужно их продумать, поскольку слишком просто считать, что если люди ошибаются, то они нам чужие.

Если мы поставим перед собой вопрос, что значит быть верующим, христианином, православным, мне кажется, можно сказать, что это

вопрос сердца и веры, понимаемой не как слепое принятие Символа веры, который передается из столетия в столетие. Передавать Символ веры делается все сложнее и сложнее, и самые его формулировки становятся все менее понятными для людей. Центральным вопросом является наше непосредственное отношение к Богу. Любим ли мы Его? Поклоняемся ли Ему? Знаем ли Его как Личность? Верны ли любви Божией и тому, что называем нашей любовью к Нему? Вот что важно. Я не верю, что мои слова противоречат Православию, напротив, мне думается, что если вчитываться в жития святых и в их учение, то мы обнаружим, что у них была пламенная уверенность и вера в спасение людей, в то, что Христос умер за всех.

Несколько дней назад меня спросили, можно ли молиться за некрещеных или за тех, кто просто принадлежит к одной из нехристианских религий. Технически, если прочитать правила, там говорится: человек должен быть крещен, чтобы за него молиться за богослужением в церкви. Но в связи с этим я всегда вспоминаю нечто, ставшее для меня радостью еще в ранней молодости. На Западе жил один старый русский епископ. До революции он был приходским священником, потом стал епископом, человек старой закалки, человек очень строгой и бескомпромиссной веры. Я помню его письмо в ответ на вопрос, который ему задали на эту самую тему: можно ли молиться о неправославных и когда? Он ответил: «Мы можем молиться за кого бы то ни было, если способны это делать от сердца, в сострадании, в солидарности, в любви, но есть один момент», — и его ответ, возможно, шокировал бы многих традиционно верующих, — «есть один момент, когда, мне кажется (написал он), мы можем молиться за всех, даже за врагов Божиих, за тех людей, которые в течение своей жизни были активными врагами Церкви и Бога. Момент этот — Проскомидия, та часть приготовления к Божественной литургии, когда Агнец Божий закаляется ради спасения мира. Это — момент распятия, и Христос умер на кресте ради спасения всего человечества, а не только тех немногих, очень немногих, в то время веровавших в Него». Я делюсь с вами его мыслью, потому что она стала для меня вдохновением, надеждой и радостью: в Литургии есть момент, Голгофа, когда Христос умирает на кресте ради спасения всех.

Можно принимать взгляды Владыки Елевферия⁵ или нет, но вот — человек, воспитанный в дореволюционной России, и который был, как скала.

⁵ Митрополит Елевферий (Богоявленский) 1868 (по другим сведениям, 1869 или 1870) — 1940 гг.

Поэтому, если поставить перед собой вопрос, кто может спастись, это знает только Бог, но мы можем быть уверены: если Он стал человеком и умер за всех, кто нуждается в спасении, то у нас есть надежда. Этого, вероятно, нельзя принять в качестве положения Символа веры, но можно считать утверждением нашей надежды в Боге. Но это ведет нас дальше, потому что тогда нам придется спросить себя: какое значение имеют богословские расхождения не только в Символе веры, но и в целом в богословии? И ответ, мой ответ, недостойный ответ, богословски, вероятно, неудовлетворительный: мы можем надеяться, надеяться и надеяться, надеяться горячо на спасение всех. Если у нас может разрываться сердце о судьбе человека, то тем более у Бога.

Но тогда встает вопрос: что же имеет значение? Что соединяет нас с Богом настолько, чтобы для нас существовала надежда? Не текст Символа веры, который многие читают без глубокого понимания, а многие вовсе не знают; не утверждения, которые мы находим в книгах, а наша связь с Живым Богом в живой вере, в живом обращении к Нему. Верить означает быть уверенным в том, что Он существует, но еще означает быть верным Ему в том же самом смысле, в каком мы бываем верными друг другу, преданными друг другу до конца, всем нашим существом, всей нашей жизнью. И если вспомнить высказывание свт. Филарета Московского о том, что перегородки, которые разделяют наши конфессии, не достают до небес, то это действительно видно из житий святых, потому что у Восточных и Западных святых так много общего. Проф. Л.А. Зандер написал статью, в которой подмечает общие черты в личности, в учении, жизни прп. Серафима Саровского и св. Франциска Ассизского. Ни тот, ни другой не были учеными богословами, но так знали Бога, что другие приходили к ним и открывали Бога для себя, потому что свет Божий сиял через них. Посмотрим вокруг себя и увидим свет, и возрадуемся о свете.

Формулировки, которые накапливались на протяжении столетий, свидетельствуют о том, как много люди размышляли, старались понять и выразить доступными им путями и понятным другим людям образом нашу веру, но помимо этого есть непосредственное знание, которое находится за пределами слов: верность сердца и сердечное знание. Когда мы читаем в Евангелии о Голгофе, кого мы там видим? Христа, распятого на кресте, умирающего ради спасения мира, рядом с Ним — Его Мать, Которая связана с Ним беспредельной любовью и верой; апостола Иоанна, юного ученика, который любит Его; в отдалении, в нескольких шагах — женщин, преданно сопровождавших Христа от Галилеи во всех Его странствиях. Но где остальные ученики? Они разбежались. Иу-

да повесился, Петр не смел взглянуть в лицо Иисуса, потому что отрекся от Него, другие спрятались в доме Иоанна Марка и опасались за свою жизнь, потому что их Наставник, как им казалось, потерпел поражение. Только люди, руководствующиеся сердцем не поколебались в своем единстве со Христом. И это требование, которое предъявляется каждому из нас. Я не хочу сказать, просто потому что сам несведущ в богословии, будто богословие не имеет значения. Нет, имеет: оно — попытка понять, познать все глубже и глубже то, что Бог явил о Себе, о мире, о человеке; но есть другой уровень, уровень подлинной верности и любви, которые делают возможным все остальное.

И если вспомнить, что говорили древние писатели о вере, то первый образ — это солнце, а солнце — это огонь, огонь, к которому нельзя подступиться, огонь, который поглотит все, что приблизится к нему, но этот огонь излучает свет, этот огонь излучает тепло. И когда отцы говорили о Святой Троице, они говорили о Боге как о солнце, о Христе как о свете и о Святом Духе как о согревающим тепле, и это было понятно людям. Когда они пытались описать отношения между лицами Святой Троицы, они тоже старались использовать понятные образы. Есть отрывок из свт. Григория, который цитирует и подробно поясняет В.Н. Лосский. Он говорит, что Бог не может быть арифметической единицей, потому что тогда Он не был бы любовью, Он был бы любовью к Самому Себе и ничего более; Он не может быть просто двоицей, потому что это означало бы любовь между двумя и безразличие ко всему окружающему миру. Бога можно понять как Троицу, потому что тогда есть Третий. И, продолжает он, глубоко трагично, что в каждое мгновение Одно из Лиц Троицы как бы дает Двоим забыть о Себе так, чтобы Двое могли пребывать в полном единении друг со другом. И Третий снова возвращается в акте любви, и так происходит снова и снова: любовь, которая соглашается не быть, с тем, чтобы Двое были в полную меру, и Двое возвращают Третьего в полноту бытия. Эти образы люди создали в древние времена, в первые столетия, потому что они вносили ясность. Но со временем все стало сложнее. И в тот момент, когда вмешалась философия, в тот момент, когда мерой вещей стал человеческий разум, возникло разделение между христианами.

Но мне хотелось бы обратить ваше внимание еще вот на что: есть языческие религии. Я уже не раз говорил, что мы живем в мире полумрака: абсолютная ясность знания, видения, которая была до падения, померкла, у нас остались смутные воспоминания, образы, которые возникают и исчезают. Когда мы знакомимся с тем, что языческие религии могут сообщить о Боге, мы склонны с легкостью осуждать это как

кошунство, неведение, безумие. Но это — воспоминания людей, которые, бродя в полумраке, стараются вспомнить, что-то вспоминают, но потом в памяти провалы, и они пытаются заполнить эти провалы. И время от времени появляется человек, который сообщает нечто решающе подлинное. За полторы тысячи лет до Христа в Египте был фараон по имени Эхнатон⁶. Он отверг всех идолов и сказал: «Единственный образ Бога — сияющий солнечный диск, но даже этот образ неточен». До революции в Сибири было племя (я не знаю, что с ним стало потом) с таким чувством величия и тайны Бога, что у них не было слова, называющего Его, они отказывались такое слово придумать, и когда речь заходила о Боге, они замолкали и поднимали руки к небу, потому что только таким путем они могли сообщить о Боге, не делая Его пленником слова, которое всегда является ограничением и пленением.

И вот мы подошли к теме, о которой я хотел бы поговорить в следующий раз: о проблеме разобщенности христиан, о том, что, с одной стороны, у нас единые корни, а с другой стороны, мы разделены, и о разных путях, многие из которых, я думаю, ошибочные, но есть и подлинные, и они могут помочь нам начать заново открывать для себя единство одной и нераздельной Церкви Христовой.

На этом я закончу сегодняшнюю беседу. Давайте немного помолчим и потом вместе помолимся.

ON THE LIGHT THAT SHINETH IN DARKNESS

METROPOLITAN ANTHONY OF SOUROUZH

The article presents a part of last series of conversations by Metropolitan Anthony of Sourouzh, first time translated from English. The transcription is kept almost authentic, with no reductions, in order to represent the style of the speech as full as possible. All the repeatings common in oral talks which took place regularly for nine month the editors consider not accidental, but meaningful.

⁶ Эхнатон (1419—1400 гг. до н.э.) — десятый фараон XVIII династии, сын Аменхотепа III и царицы Ти. Эхнатон знаменит тем, что за свою недолгую жизнь осуществил религиозную реформу, подойдя к утверждению единобожия.